

Александр ВАРГО

ОСОБЬ

*Не пытайтесь это
представить...*

ЭКСМО

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

Особь

«ЭКСМО»

2011

Варго А.

Особь / А. Варго — «Эксмо», 2011 — (MYST. Черная книга 18+)

Ведущий специалист Центрального зоопарка получает посылку из Афганистана с существом, которое считалось давно вымершим. Последний раз этого зверька, чем-то напоминающего крысу, видели живым почти двести лет назад. К посылке было приложено «сопроводительное письмо» – некие странные картинки на замасленном листочке бумаги. На них бородатые мужчины убивали женщин, а дети перерезали горло старикам. Картинка брутально била в глаза всеми оттенками красного, символизирующего кровь... Единственное, что зоологу удалось выяснить о неведомой особи, – это то, что она любит сырое мясо с кровью и никогда не спит. Дальнейшие исследования провести не удалось, поскольку тварь из лаборатории сбежала...

© Варго А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	33
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Варго

Особь

Глава 1

Тугой узел галстука впивался Мефодию Николаевичу прямо в кадык.

Он расслабил узел, расстегнул верхнюю пуговичку сорочки и заинтересованно взглянул на объемную клетку, прикрытую брезентом. Под брезентом угрожающе зашелестело – словно некто тер наждачкой по пенопласту. Затем послышалось негромкое, но агрессивное попискивание. Затем – вновь жутковатый шелест.

– Что это? – Мефодий Николаевич удивленно посмотрел на лаборантку Лиду.

Лаборантка – скромная худенькая девочка из аспиранток-заочниц университетского биофака – кокетливо блеснула очками.

– В сопроводительных документах написано – «крыса афганская». Я уже справилась в специальной литературе. *Rattus Pushtunus* – род млекопитающих, семейства мышей. В академической зоологии зафиксирована один-единственный раз, в начале девятнадцатого века. В современной научной литературе не описана. Почти что никаких исходных данных... Тут, кстати, какие-то странные записи, вместе с клеткой передали... Посмотрите?

Несмотря на относительную молодость – тридцать два года, – Мефодий Николаевич Суровцев вот уже пятый год занимал должность ведущего специалиста Центрального зоопарка по международным связям. Контакты с зооучреждениями всего мира, обмен одних редких особей на других, щекотливые вопросы вязки, экспедиции в дальние страны и даже сделки с международными контрабандистами животных – все это входило в круг его непосредственных обязанностей. Другой на его месте не выдержал бы на такой должности и месяца: слишком много забот, а ответственности еще больше. Однако энергичный и жесткий Суровцев уверенно держал в своих руках все рабочие нити. Цепкий ум и несомненная харизма позволяли ему без труда решать наиболее щекотливые вопросы, а доскональное знание академической зоологии – безошибочно ориентироваться в самых запутанных научных проблемах.

Вот и теперь знакомство с новым экспонатом началось с изучения сопроводительных документов. Обязательного «паспорта животного», конечно же, не было – ведь *Rattus Pushtunus* поступила не из дружественного зоопарка, а от международного контрабандиста животными. Налиествовала лишь невнятная короткая записка от этого самого перекупщика. Если верить записке, «афганская крыса» была отловлена в каком-то высокогорном кишлаке неподалеку от Кандагара, посажена в клетку и через цепочку международных посредников-спекулянтов доставлена прямо в Центральный зоопарк. Это почти неизвестное науке животное действительно считалось давно вымершим. Последний раз ее видел и описал британский натуралист Чарльз МакКормик, бывавший в Афганистане лет двести назад. Однако коллеги по Королевскому географическому обществу подняли натуралиста на смех: мол, крыса – извечный и естественный спутник человека, и уж если МакКормик действительно описал ее впервые, то почему до него не было никаких достоверных свидетельств?

Внимание Мефодия Николаевича привлекли некие странные картинки на замасленном листочке бумаги, напоминающие скорее аляповатый комикс. Первая картинка изображала горный кишлак: суровые старики в халатах, пугливые азиатки с кувшинами, чумазые детишки на фоне хлипких глинобитных домиков... На втором те же люди, но уже с автоматами и ножами в руках вели друг с другом тотальную войну на уничтожение, притом старики стреляли в женщин, а дети перерезали глотки старикам. Картинка была в глаза всеми оттенками красного, изображавшего кровь. На третьей картинке чернели сожженные глинобитные дома,

между которыми беспорядочно валялись трупы. На последней было изображено некое странное животное, судя по всему – то самое *Rattus Pushtunus*. Под изображением шло пояснение на весьма корявом английском: мол, виной всему – шайтан, который и вселился в жуткого зверя, невеста как появившегося в кишлаке.

Суровцев удивленно вздернул бровь.

– Бред какой-то. Кто это рисовал?

– Посредник, продавший нам крысу, заверил, что это отчет афганского офицера полиции. Якобы на поимки этой крысы двинули целый отряд из Кабула. Но слишком поздно – все население кишлака было полностью мертвым.

– Крысу ловили с танками, артиллерией и авиацией? – саркастически уточнил Мефодий Николаевич. – Наверное, эти полицейские просто анаши обкурились. Или, скорее всего, посредник решил себе цену набить. Лида, надеюсь, ты уже познакомилась с подопечным... или с подопечной, кто там у нас?

– Ждала вас, – улыбнулась лаборантка немного кокетливо. – Честно говоря, я до сих пор так и не выяснила, кто это: самец или самка.

– Неужели картинки испугалась? – Суровцев повертел в руках листки с устрашающими рисунками и повернулся к клетке. – Ну, посмотрим, что за жуткий зверь...

Он сдернул брезент, и в ту же секунду лаборантка Лида невольно вскрикнула.

В клетке сидело существо, явно неизвестное академической биологии. Внешне оно действительно напоминало обычную серую крысу: верткое продолговатое тело с редкой серой шерсткой, омерзительный голый хвост, острая морда с тонкими, словно проволочными усиками... Однако глаза выглядели куда большими, чем у привычных помойных грызунов: круглые, с густыми пушистыми ресницами, они удивительно напоминали человеческие. Небесно-голубой цвет глаз только подчеркивал это сходство. В сочетании со скошенными верхними резцами и острыми розоватыми ушками эти странные и, казалось, всепроникающие глаза смотрелись действительно жутковато...

Внезапно крыса ощерилась, пристально взглянула на Суровцева, медленно перевела взгляд на лаборантку и с неожиданной агрессией заскребла когтистыми лапами по полу клетки. Пронзительные голубые глаза смотрели на лаборантку в упор, не мигая. От одного этого взгляда мороз шел по коже. Длинный голый хвост нервно подрагивал, длинные резцы хищно блеснули в тусклом электрическом освещении.

– Бр-р-р-р... – Лида на всякий случай отодвинулась от животного. – Просто монстр какой-то...

– Мы с тобой прежде всего биологи, – Мефодий Николаевич изучающе рассматривал странное существо. – А потому должны воспринимать всех поступающих особей такими, какие они есть. Если крокодил для кого-то и выглядит отвратительно – это вовсе не значит, что его не должно быть в нашем зоопарке. Между прочим, в китайской мифологии крысы – символ эротики и чувственности, а в Персии это воплощение ума и сообразительности. Лида, а что там в сопроводительных документах насчет карантинного периода?

– Крысу доставили только сегодня утром. В документах, естественно, ничего нет, ведь посредники в биологии не разбираются. Но, по правилам, следует продержать минимум тридцать дней, – напомнила лаборантка.

– А чем ее кормят – в сопроводительных документах тоже, естественно, не указано?

– Конечно же, нет. Пыталась расспросить посредника – он почему-то ушел от ответа. – Лида взглянула на клетку и тут же опасливо отвернулась. – В специальной литературе, кстати, тоже ничего не нашла. МакКормик оставил весьма поверхностное и противоречивое описание.

– Придется устанавливать это путем эксперимента.

Суровцев вышел из кабинета и спустя минут десять вернулся с разноцветными коробочками и консервными банками.

– А ну-ка...

Сыр – классическое лакомство обычных серых крыс – совершенно не понравился крысе афганской. Странная тварь лишь понюхала блестящий желтый ломтик, недовольно пошевелила усами и демонстративно отвернулась.

– Вообще-то неудивительно, – хмыкнул себе под нос Мефодий Николаевич. – На помойках афганских кишлаков подобных деликатесов не найти...

Точно таким же образом афганская крыса отреагировала и на овощи: ни сырая очищенная картофелина, ни морковь, ни капустная кочерыжка, ни ломтик банана ее почему-то не вдохновили. Печенье, хлеб, подсолнечные семечки, сахар-рафинад и даже вареная рыба также были отвергнуты.

А вот профессиональный консервированный корм для кошек вызвал у грызуна явный интерес. Крыса деловито сжевала несколько желеобразных кусочков, пристально взглянула на Суровцева своими странными голубыми глазами и удовлетворенно зашелестела хвостом, оскалила зубы, при этом отчетливо стали видны боковые клыки.

– Получается, что она исключительно плотоядная? – искренне удивилась Лида. – Но ведь в специальной литературе ничего подобного не описано... Да и аналогов нет.

– Похоже на то. – Мефодий Николаевич немного поколебался, однако просунул в клетку бамбуковую палочку с ошметком сырого мяса.

Крыса поджала ушки, ощерила резцы и хищно схватила мясо. Суровцев даже не успел убрать палочку – грызун моментально скусил кончик с блестящим кровавым сгустком.

– Вот оно что-о-о-о... – неопределенно протянул биолог.

– Нормальные грызуны у нас и пивные сухарики грызут, – напомнила лаборантка. – А этой твари – парную говядину, точно капризным суматранским тиграм. Смотрите, завтра она у вас еще и выпить попросит.

– Скажи еще – закурить. – Суровцев отставил клетку на подоконник, подумал и распорядился: – Лида, слушай внимательно. Это действительно очень интересный случай. С сегодняшнего дня наш подопечный... или подопечная определяется в отдельное помещение на карантин. Ты заводишь лабораторный журнал наблюдений, где будешь фиксировать абсолютно все. И так – тридцать дней подряд, с утра и до вечера и без перерывов. А потом решим, что будем делать с ней дальше.

– Предлагаете целый месяц наслаждаться обществом этой отвратительной твари? – несмело возмутилась лаборантка.

– Предлагаю тебе войти в историю биологии, – моментально парировал Суровцев. – Имя англичанина Чарльза МакКормика, давшего двести лет назад совершенно противоречивые описания этого существа, до сих пор упоминается во всех специальных справочниках. А у нас – действительно редкий экземпляр той самой афганской крысы, которую никто из современников еще в глаза не видел, настоящая научная сенсация. Лида, ты понимаешь, что это – твой счастливый билет? Практически готовая кандидатская, которую тебе, при благоприятном стечении обстоятельств, могут засчитать и за докторскую! Ты понимаешь, что такой шанс выпадает лишь один раз в жизни?

Конечно, Суровцев и сам мог заняться изучением афганской крысы, тем более что ученым он был блестящим. Однако карьера кабинетного ученого никогда не привлекала Мефодия Николаевича, который считался скорее практиком, нежели теоретиком. Зато темы для изысканий он то и дело подбрасывал своим коллегам, за что и был ими любим и уважаем.

– Но ведь я всего только студентка-лаборантка, даже не эм-эн-эс. И будущая специализация у меня другая – исключительно земноводные и рептилии. Никогда с подобными грызунами не работала, – упрямо напомнила Лида; она явно не хотела иметь с мерзкой тварью никаких дел.

– Основа любой науки – информация, а основа информации – эксперимент, – напомнил Суровцев общеизвестное. – Только что мы экспериментальным методом выяснили, чем ее кормить. Точно так же можно выяснить остальные ее симпатии и антипатии, а также все сопутствующие моменты. Реакции на изменение яркости света, на перепады температур, на все возможные наружные раздражители. Заодно выяснишь и пол особи. Это уж, извини, задания для девочки со станции юного натуралиста, а не для выпускницы столичного биофака. В крайнем случае, зови меня, всегда помогу, ты же знаешь. Вопросы есть?

В этот момент афганская крыса неожиданно поднялась на задние лапки и резко просунула морду сквозь прутья клетки. Жесткие усики угрожающе приподнялись, и в холодном электрическом свете боевой сталью блеснули скошенные двойные резцы. Огромные голубые глаза, не мигая, уставились на зоологов. Мерзкий голый хвост нервно задергался, будто по нему пробежался электрический разряд. Редкая шерстка на хребте приподнялась дыбом, и это окончательно придало грызуну отталкивающий вид.

Лида буквально сжалась, инстинктивно отошла на несколько шагов и прошептала:

– Чтоб ты провалилась...

И тут мерзкая тварь запищала... Писк был настолько пронзителен и резок, что у зоологов на какое-то мгновение заложило уши. В пищании пробивались очевидные нотки недовольства. Лаборантка, державшая в руках пластиковый стаканчик с нарезанным сырым мясом, вскрикнула и от неожиданности выпустила стаканчик на пол. Крыса энергично заметалась по клетке, но тут же замерла; алевшие на полу кусочки филе сразу привлекли ее внимание. Писк повторился, но теперь в нем звучали агрессивно-требовательные интонации. Хвост напрягся и изогнулся крючком. Голубые глаза словно затянула поволока, зрачки превратились в микроскопические точки. И эти точки алчно прикипели к окровавленным ошметкам на полу.

И Мефодий Николаевич, и лаборантка стояли, словно оглушенные. У них не было даже сил посмотреть друг на друга. Хотя грызун и сидел в клетке на безопасном расстоянии, казалось, ему ничего не стоит перегрызть прутья решетки. Крыса вновь запищала, задергалась, заметалась за прутьями, и Суровцев посчитал за лучшее прикрыть клетку брезентом.

– Ничего себе... экспонат, – резюмировал он, подбирая с пола нарезанное мясо.

– Лучше бы уж всю жизнь в серпентарии с кобрами да гадюками работать... – пробормотала Лида. – Такое ощущение, что это не мы ее будем изучать, а она – нас.

– Но, в отличие от тебя, крысе не придется вести лабораторный журнал наблюдений, – успокоительно промолвил Мефодий Николаевич. – Короче, фиксируй абсолютно все, а потом мы решим, что с этими записями делать. А главное, ничего не бойся. Может быть, у этой крысы, при всей ее отвратительной внешности, очень добрая и ранимая душа?

Глава 2

Внутренняя стена Центрального зоопарка, облитая жидким ночным электричеством, напоминала задник театра теней. На гладком сером бетоне с фотографической четкостью отпечатывались темные контуры деревьев, угловатые силуэты вольеров и служебных строений. Из клеток то и дело доносился рык неспящих хищников, и это придавало пейзажу мрачноватый подтекст.

Ночной охранник, однако, никак не реагировал ни на картинку, ни на звуки – он давно уже привык ко всему этому за годы работы. Сидя в служебной кабинке за потертым ноутбуком, он увлеченно резался в шутер, расстреливая направо и налево жутких монстров. Время летело незаметно. Не успел охранник пройти первый уровень, как небо за окном посерело, в форточку приятно потянуло утренней свежестью, в кронах деревьев несмело затенькали невидимые птицы. Ночные хищники в клетках наконец-таки успокоились, как это обычно бывает к утру. Где-то за оградой прозрачно прозвенел первый трамвай, ритмично зашаркала ершистая метла дворника. В высотках напротив один за другим зажглись окна кухонь. Секьюрити устало взглянул на часы – до окончания смены оставалось всего ничего.

И тут на пульте тревожно замигали алые лампочки сигнализации. Негромкий, но властный зуммер сирены резко рассверлил слух. Охранник, однако, особо не обеспокоился: сигнализация срабатывала едва ли не по два-три раза за смену, и тревога почти всегда была ложной. То яванский орангутанг попытается перелезть через ограждение; то полесская рысь бросится на птицу, некстати усевшуюся на соседнее дерево; то королевский боа-конкскриктор захочет выбраться из серпентария. Больше всего неприятностей доставляли неугомонные бобры, которые норовили грызть все то, что сделано из древесины. Последний действительно серьезный случай в Центральном зоопарке произошел четыре года назад: какой-то пьяный идиот ночью перелез через наружную ограду и попал прямо в вольер к белому медведю, которого к тому же стал еще и дразнить. Пока служащие зоопарка среагировали на сигнализацию и добежали до клетки, белый медведь безжалостно задрал идиота, затащив окровавленное тело прямо в бассейн...

Лампочка на пульте свидетельствовала, что ЧП произошло в карантинном корпусе, чего прежде никогда не случалось. Если это были злоумышленники, то они явно ошиблись адресом: воровать в карантине было решительно нечего. Секьюрити с неудовольствием оторвался от ноутбука, накинул куртку и с фонарем в руке двинулся в сторону небольшого приземистого строения, белевшего за живописным лебединым прудом.

Сперва, по инструкции, внимательно осмотрел замки и оконные рамы. Все оказалось в полном порядке. Затем обошел строение по периметру в поисках каких-либо приметных следов. Таковых, конечно же, не наблюдалось: ведь в случае проникновения на территорию зоопарка кого-либо из посторонних первой бы сработала сигнализация внешнего ограждения. Да и животные наверняка бы обеспокоились появлением незваного гостя. Стало быть, и эта тревога оказалась ложной.

Охранник опустил фонарь и прислушался. Из ближайшего к двери окна карантинного корпуса доносилось негромкое невнятное шелестение: словно кто-то пилил пенопласт тупой ножовкой. Секьюрити попытался определить, какое именно животное способно издавать такой странный звук. Ползущая по стене игуана, скребущийся камышовый кот, бобер, грызущий древесный ствол... Звук был совершенно необычный – ни одно живое существо, известное охраннику зоопарка, на подобное способно не было. Шелестение внезапно прекратилось, но вскоре повторилось в другой интонации: теперь в нем пробивались резкие и даже агрессивные нотки.

– Может, проводка так громко искрит? – предположил секьюрити, подумал и достал из кармана связку ключей.

Он вошел в помещение, не включая верхний свет – так требовала инструкция. В ноздри сразу ударил спертый воздух со сложным букетом звериных фекалий, химических реактивов и прелой соломы. Охранник щелкнул переключателем ручного фонарика. В луче света хаотично заплясали пылинки. Яркий овал выхватил из полутьмы стеклянные шкафчики с лекарствами, стеллажи со справочной литературой и допотопный обшарпанный холодильник, где обычно хранился корм для животных. Световое пятно медленно прошло по стенам и остановилось на полу. Слева от холодильника лежала клетка, рядом с которой валялся скомканный брезент.

– И что бы это значило? – Секьюрити поднял клетку и с удивлением обнаружил, что она раскрыта.

Открыть маленький засов клетки можно было только снаружи. Стало быть, никакого живого существа в ней изначально и быть не могло. Но почему же она валялась рядом со столом? И милая очкастая лаборантка, которую охранник видел вечером, и уж тем более Мефодий Николаевич Суровцев были людьми аккуратными и даже педантичными и с инвентарем обращались предельно бережно.

Охранник с минуту постоял, прислушиваясь. Утренний ветер в древесных кронах неожиданно смолк, звуки за внешней оградой словно бы растворились, даже птицы – и те затихли. Звери в вольерах спали. Тишина буквально материализовалась до синевы и звона. У секьюрити невольно засосало под ложечкой, во рту внезапно пересохло, а под сводом черепа возникло тончайшее комариное гудение. Он провел рукой по лбу и тут же обнаружил, что лоб почему-то вспотел.

Пронзительное попискивание из-за шкафчика заставило его вздрогнуть. Луч ручного фонаря нервно метнулся в темный угол. На какое-то мгновение охранник заметил странный голубой глаз, удивительно похожий на человеческий, однако он тут же исчез. От неожиданности секьюрити выпустил фонарик из рук, и он с грохотом покатился по полу и почему-то погас.

Странное попискивание повторилось. Затем послышалось невнятное шелестение, затем поскребывание, затем все неожиданно стихло.

В абсолютно темном помещении царил глубочайшая тишина. Охранник ощутил в себе необъяснимый позыв выскочить за дверь. Однако усилием воли он поборол этот страх, осторожно присел на корточки и боязливо протянул руку в поисках упавшего фонарика. Пол в карантинной комнатке был холодный и скользкий, напоминая на ощупь срез мясного филе. Ладонь опасливо заскользила по линолеуму и, наконец, уперлась в нечто мягкое, с колющими ворсинками. Секьюрити инстинктивно отдернул руку и тут же отодвинулся к стене. Липкий животный страх сковывал его движения, но причину этого страха он определить не мог. Не было сил не то что выскочить за дверь – попытаться отыскать выпавший из рук фонарик.

Глаза постепенно привыкали к темноте, различая теперь смутные контуры стеллажей, стола и холодильника. Никакого шуршания и попискивания не было слышно. С минуту охранник просидел на корточках в полнейшем оцепенении, боясь даже пошевелиться, чтобы нечаянно не выдать своего присутствия. Под подошвой предательски взвизгивала половица, и секьюрити нервно вздрогнул. В какой-то момент он отчетливо осознал: воля его парализована полностью, хотя никакой видимой причины тому вроде бы не было.

Наконец он вспомнил про мобильник. Осторожно опустил руку в карман, нащупал холодный металл... Очень медленно достал телефон и осторожно подсветил перед собой. Станный ворсистый предмет, так напугавший его, оказался кусочком искусственного меха для чистки обуви. Вскоре отыскался и упавший фонарик – он лежал на расстоянии вытянутой руки.

– Что же это со мной происходит... – прошептал секьюрити пересохшими от волнения губами, осторожно взял фонарик и щелкнул кнопкой.

И тут некто невидимый, но, судя по звуку, весьма энергичный мгновенно прошелестел слева от него в сторону выхода. Луч фонаря стремительно перечеркнул темный пол, однако никого не зафиксировал. Шелестящий звук моментально срезался – словно его и не было.

– Фу-у-у... – Охранник прислонился спиной к стене и тут же ощутил, что кончики его пальцев нервно подрагивают.

Он включил верхний свет. Тревожно загудели люминесцентные стержни под потолком. Мертвенное ртутное электричество облило казенную мебель, зарешеченные окна и истертый пол. Охранник внимательно осмотрел помещение, размышляя попутно, что делать дальше. Ничего подозрительного, а тем более внештатного не наблюдалось – не считая, правда, раскрытой клетки на полу и валявшегося брезента.

Секьюрити попытался рационально проанализировать, что за странные звуки и жутковатое видение его так напугали. Замеченный в углу глаз, так напоминающий человеческий, вполне можно было оправдать теми четырьмя часами, которые он провел за ноутбуком, расстреливая направо и налево компьютерных монстров. Этим же обстоятельством оправдывалось и странное шелестение – оно просто могло почудиться. Уж если в валявшейся на полу клетке, по всей логике событий, не было никаких живых существ, то их не могло быть и во всем карантинном корпусе. Ведь корпус был заперт снаружи, а все окна были закрыты на шпингалеты.

Но главное – охранник ни в чем не нарушил инструкцию. Теперь ему следовало аккуратно закрыть входную дверь, записать в журнале о сработавшей сигнализации и спокойно дожидаться окончания смены.

– Понавозят всех этих животных-скотин со всего света... а мне потом отвечать! – пробурчал секьюрити, закрыл дверь и отправился в служебный корпус.

Блеклые фонари ровно подсвечивали прямые дорожки, посыпанные песком, аккуратно подстриженные кусты, влажную металлочерепицу крыш и темные вольеры. Неожиданно в клетке с пятнистыми гиенами произошло странное шевеление. Животные, которые еще несколько минут назад не подавали никаких признаков беспокойства, теперь тревожно задержались, заметались по клетке и жалобно заскулили. Следом за гиенами подали голос волки – их вольера стояла рядом. Жутковатый протяжный вой пронесся над зоопарком. Истошно заржали пони, испуганно взвизгнули шимпанзе, и даже африканский слон нервно затрубил в своем домике.

Но больше всех почему-то бесновались крупные кошки. Африканский лев рычал на весь зоопарк, словно безумный. Молодые бенгальские тигры бросались на прутья вольеры с такой силой, будто бы их подталкивали сзади раскаленным железом. Черная пантера залезла на обрубок ствола и тревожно забила хвостом.

– Боже, что это с ними такое? – охранник испуганно посмотрел на клетки с беснующимися зверями, неуютно поежился и невольно ускорил шаг к своей будочке.

Спустя какую-то минуту бесновался уже весь зоопарк. Кошмарная какофония неслась над темными кронами деревьев. Казалось, еще чуть-чуть – и обезумевшие звери сломают клетки, чтобы выбраться на волю. От визга, скуления и рыка хотелось бежать как можно дальше.

Секьюрити растерялся окончательно. По логике, о неожиданном психозе в вольерах следовало немедленно доложить начальнику режима. Неизвестно, какая причина заставила зверей бесноваться, и уж никто не мог объяснить, чем все это может закончиться. Однако вскоре рычанье, поскуливание и визги стихли так же неожиданно, как и начались.

Небо над зоопарком почти посветлело, до конца смены оставалось всего двадцать минут, да и начальник режима очень не любил, когда его тревожили в такое время. А главное, самому охраннику не очень-то хотелось фиксировать ЧП именно на своей смене. Если что-то и про-

изойдет – то пусть разбирается напарник. А там, глядишь, и начальник режима появится, и специалисты-зоологи... Вот пусть они и разбираются, что к чему.

Он вновь уселся за ноутбук, однако продолжать игру почему-то не хотелось. Угрожающий шелест, слышанный в карантине, до сих пор звучал в ушах. Да и зрительная память очень некстати зафиксировала странный, словно человеческий глаз, на какое-то мгновение сверкнувший в слепом свете фонаря на темном полу. Теперь охранник и сам верил, что это, скорее всего, была не галлюцинация.

– Нет, все-таки надо работу менять, – вздохнул секьюрити, захлопнув крышку ноутбука. – А то скоро с этими тварями крыша окончательно поедет...

Глава 3

– Значит, когда вы вошли, клетка уже валялась на полу? – Суровцев смотрел на охранника цепким следовательским взглядом.

– Да, как раз между столом и холодильником, вот тут, и была почему-то перевернута на бок. Я еще невольно подумал: неужели вы или ваша лаборантка могли так ее бросить? – Секьюрити выглядел явно сконфуженным, хотя никакой особой вины за собой не ощущал.

– Ничего подозрительного не заметили? – Мефодий Николаевич внимательно осмотрел засовчик снаружи клетки, несколько раз им пощелкал и заметно помрачнел.

– Я уже говорил: когда стоял за окном, слышал какой-то странный шелест... Негромкий, но, знаете ли, неприятный такой, угрожающий. Потом, когда уже в самом помещении фонарем посветил, смотрю – глаз в темноте горит, жуткий, синеватый, словно человеческий... И не мигает! И тут же исчез. Потом – какой-то писк, словно микрофон зафонил. Потом все пропало. Я, конечно, подумал, что это галлюцинация или нечто подобное... Нет, честно: я не виноват! Откуда я знал, что у вас тут какое-то животное в клетке?!

– Последний вопрос: когда вы зашли в карантинный корпус, дверь изнутри не закрыли?

– Нет. По инструкции я всегда должен оставлять дверь открытой, – охранник честно округлил глаза. – Вы же сами знаете: а если в карантине животное взбесится и внезапно нападет на меня – как я тогда выберусь?

– Поня-атно...

Суровцев жестом отпустил охранника и уселся на подоконник. Картина складывалась вполне однозначная. Никакой вины охранника в исчезновении афганской крысы и быть не могло: он действовал согласно служебным инструкциям. Другое дело, что подлая тварь оказалась куда умнее, чем можно было предположить. Сперва грызун каким-то непостижимым образом раскачал клетку, стоящую на столе. Или носился, как сумасшедший, по замкнутому пространству, или просто тупо тыкал передними лапками и мордой в один и тот же железный пруттик. Как следствие, клетка свалилась на пол, после чего от удара сработала сигнализация. Открыть клетку изнутри было невозможно, однако умная крыса, несомненно, догадалась, что от удара о пол хлипкий засовчик может отскочить. Так оно, видимо, и произошло. И уж если крыса догадалась свалить клетку на пол, то ее сообразительности вполне хватило, чтобы улизнуть из карантинного корпуса аккурат в тот момент, когда туда наведалься секьюрити.

Но почему в вольерах произошла такая жуткая паника? Если верить охраннику, сразу после бегства *Rattus Pushtunus* не на шутку всполошились даже крупные кошачьи, что ранним утром случается крайне редко... Кто-кто, а Мефодий Николаевич железно знал, что эти животные обычно чутко реагируют на любую опасность, которая человеку может показаться незначительной и не заслуживающей особого внимания. Неужели всему виной – сбежавшая афганская крыса?

– И что теперь всем нам делать? – лаборантка Лида печально взглянула на Суровцева.

– По логике, *Rattus Pushtunus* следует отыскать, приласкать, посадить в клетку и расспросить, каким образом она удрала. Ну, и о причинах бегства, конечно же...

– Но как же ее изловить?

– Как, как... «Силою данного мне природой ума», – процитировал Мефодий Николаевич. – Читай Достоевского, Лида, сейчас это модно. Если природа одарила нас большим интеллектом, победим мы. Если *Rattus Pushtunus* – выигрывает она.

– Уж если у этой твари хватило интеллекта обмануть и охранника, и инструкции, и даже сигнализацию, то наверняка хватит ума удрать отсюда куда подальше! – Лаборантка упрямо поджала губы.

Мефодий Николаевич показательно проигнорировал реплику.

– Итак, небольшая задачка для выпускницы столичного биофака. Дано: из зоопарка сбежало небольшое по размерам, но весьма редкое животное, отличающееся подлым умом и почти человеческой сообразительностью, – произнес он голосом университетского преподавателя. – Уйти далеко она не могла: незнакомое неисследованное место, огромный мегаполис со всеми сопутствующими опасностями. Задача: животное следует изловить и вернуть, не причинив ему никакого вреда. Какие будут предложения?

– Мы уже установили, чем крыса кормится, – несмело напомнила лаборантка. – Может, стоит приманить свежим мясом? Ловушку какую-нибудь поставить... Желательно, сразу несколько, чтоб шансов больше было. Или тонкие прочные сети. Но для этого придется закрыть зоопарк на несколько дней.

– Не подходит. Во-первых, привлечем к нашей чисто корпоративной проблеме нездоровое внимание общественности, во-вторых, это просто нерентабельно: наш зоопарк и так на дотации, а если не будет прибыли от продажи билетов, буклетов и всего остального, мы очень скоро вылетим в трубу. Что еще имеешь предложить?

– Честно проинформировать про бегство крысы нашего директора. Мне кажется, он поймет и что-нибудь толковое посоветует.

– Мне тоже так кажется. Но сбежавшую *Rattus Pushtunus* все-таки придется отыскать именно нам с тобой, а не директору.

– Но как?

– Технический прогресс не стоит на месте...

Ловить сбежавшую крысу было решено при помощи специальных электронных мышеловок. Мышеловка эта, распространяющая мощный поток инфразвука определенной частоты, действовала безотказно и на обычную серую крысу, и на любых родственных ей грызунов. К тому же мышеловка не причиняла никакого вреда здоровью и жизни попавшимся в нее жертвам. А главное – с десятков таких мышеловок можно было незаметно расставить по всему зоопарку, не привлекая ненужного внимания посетителей и, как следствие, не нарушая расписания и режима.

Первые результаты весьма обнадежили. Направленный поток инфразвука действовал на всех без исключения представителей семейства мышиных, словно флейта гамельнского крысолова. Спустя полтора часа во всех мышеловках трепыхались первые жертвы. Четыре обычных серых крысы, одна мышшь-полевка и даже молодая белка – видимо, из соседнего скверика. Однако афганской крысы среди них не было.

– Мы даже не установили, какой образ жизни она ведет: дневной или ночной, – несмело напомнила Лида.

– Если сбежала под утро – значит, ночной, – заверил Мефодий Николаевич. – А вообще, от нее можно ожидать чего угодно. Кстати, я поручил всем нашим зрителям внимательно наблюдать за животными в вольерах, особенно – за крупными кошками, которые вели себя явно неадекватно. Никаких признаков беспокойства, как вчера рано утром, не наблюдается.

– Хотите сказать, что существует явная связь между сбежавшей крысой и...

– Давай не торопить события, – дипломатично попросил Суровцев. – Подождем до завтрашнего утра.

Утренний осмотр электронных мышеловок принес новую добычу: семь отборных помойных крыс и одного небольшого крота. Однако *Rattus Pushtunus* среди них вновь не оказалось. Да и крупные кошки вели себя тихо, что косвенно указывало – афганская крыса теперь наверняка уже далеко отсюда. Если вообще жива осталась: мегаполис – не высокогорный кишлак, и выжить в условиях оживленного города с непривычными опасностями куда сложнее...

– Боюсь, мы ее уже никогда не найдем, – предположила Лида, и по ее интонациям Суровцев так и не понял – радуется она или печалится.

– Надо просто делать свое дело, – возразил он. – Но о случившемся следует обязательно известить директора...

Собравшись с духом, Мефодий Николаевич написал объяснительную на имя высокого начальства. При этом он никого не винил, в том числе и секьюрити: мол, причиной пропажи редкого грызуна стала цепочка роковых совпадений.

Директор зоопарка выслушал доклад Суровцева с полным пониманием. Он сам был зоологом-практиком, а не кабинетным ученым, а потому за свою карьеру насмотрелся всякого. Сбежавшая крыса не выглядела в его глазах глобальной неприятностью.

– Придется списывать ее «по естественным причинам», – по размышлении резюмировал он.

– То есть... – не понял Мефодий Николаевич. – *Rattus Pushtunus* – действительно редкий вид, уникальный случай в науке. Может, стоит еще поискать?

– Стоит, конечно. Я же не возражаю. Однако соответствующим документиком лучше подстраховаться сразу. Сам понимаешь: твою афганскую крысу вполне мог задушить обычный кот с городской помойки.

– Только бы не наоборот, – Суровцев сразу же вспомнил рассказ охранника о небывалом психозе крупных кошачьих в вольерах. – Но мне кажется, пусть наши электронные мышеловки еще пару дней постоят. Не уверен, что нам когда-нибудь привезут аналогичный экземпляр. Да и деньги за этого грызуна немалые плачены.

– Понимаю. Пусть и дальше стоят. Тем более что пить-есть эти мышеловки не просят. А вот животные у тебя в карантине иногда болеют и даже умирают... Если не ошибаюсь, в инструкции даже прописан допустимый процесс выбраковки.

– Вы просто не хотите, чтобы я написал «сбежала»? – догадался Суровцев. – Бегство животного, кстати, тоже вполне естественная причина. Тем более у нас такое уже случалось.

– Понимаешь ли, Мефодий, – директор достал из сейфа початую бутылку коньяка и налил по рюмке себе и подчиненному. – Мне этот странный рисунок тоже покоя не дает. Твое здоровье!

Суровцев благодарно приподнял рюмку.

– Спасибо. Вы про комикс «История вымирания высокогорного кишлака»? Безграмотный полицейский, любитель анаши с четырьмя классами образования...

– А почему наши звери рано утром захихикали? – справедливо напомнил директор. – Думаешь, просто так?

– Видите причинно-следственную связь между их беспокойством... и сбежавшим грызуном? – на всякий случай уточнил Суровцев, хотя он и сам прекрасно это понимал.

– Другого пояснения не нахожу.

– Да я и сам это понял сразу же, как мне сообщили. – Мефодий Николаевич выпил, поставил рюмку и задумчиво взглянул в окно. – Просто сознательно обманывал себя до последнего... Хорошо. Допустим, мы напишем, что афганская крыса скончалась от естественных причин. Неизвестная болезнь, например. Или тоска по родине. Но представьте, что сбежавшая тварь выживет и где-нибудь проявит себя... С самой нехорошей стороны. И когда ее изловят и попытаются выявить, откуда она такая на воле взялась, – на кого прежде всего падут подозрения?

– Самая распространенная живность в нью-йоркских подземных коллекторах – детеныши флоридских аллигаторов, – равнодушно напомнил директор. – Молодые ньюйоркцы, отдыхающие во Флориде, ловят их сотнями ради забавы и привозят домой, а шустрые аллигаторы расползаются из квартир. Большинство сразу же умирает в условиях мегаполиса, но некоторые особо жизнестойкие выживают и даже достигают внушительных размеров. Иногда нападают на домашних животных и даже на людей. И никто потом не утверждает, что они сбежали из конкретного нью-йоркского зоопарка. Или из конкретной квартиры. Если наша крыса

кого и укусит – почему все должны сразу подумать на наше уважаемое учреждение? Что, кроме нас ее некому было в город привезти? Да такая тварь сама могла в кабульском аэропорту в любой чемодан забраться!

– «С глаз долой – из сердца вон»? – понимающе улыбнулся Суровцев.

– «Я – не я, и крыса не моя», – согласился собеседник.

Было очевидно: директор зоопарка явно не хотел брать на себя ответственность. Что, впрочем, не удивляло: в случае какого-нибудь форс-мажора крайним становился даже не Суровцев, а именно он.

– Но ведь в случае смерти редких особей мы обязаны заказывать чучело таксидермисту, – педантично напомнил Мефодий Николаевич. – Так что одного акта о смерти грызуна недостаточно.

– Что, не знаешь, как это делается? Составим акт: мол, тушка непригодна для чучелования, – отмахнулся директор. – И вообще, это не снежный барс и не белый носорог, тут никто никаких проверок устраивать не будет. Так что, договорились? А если так, давай выпьем еще по одной, – начальник разлил коньяк по рюмкам. – Неприятности начинаются тогда, когда человек к ним готовится. Ты согласен?

Неприятности, однако, начались на следующий же день, хотя ни Суровцев, ни Лида, ни тем более директор зоопарка к ним изначально не готовились.

Уже вечером, незадолго до закрытия, произошло ЧП в вольере с европейской косулей. Это пугливое и милое животное неожиданно напало на сотрудника зоопарка во время кормления, сильно ударило его копытом в живот и вырвалось из клетки. Группка младших школьников, наблюдавшая за кормлением рядом с вольером, панически бросилась врассыпную. Косуля проявила себя совершенно неадекватно: сбила с ног одного, потоптала второго, а третьего боднула рогами так сильно, что его пришлось госпитализировать. Как следствие, зоопарк закрыли раньше положенного, посетителей выставили за ворота, все выходы-входы перекрыли наглухо. Косулю ловили всеми доступными способами. Сперва пытались загнать в тупик, потом – подстрелить ампулой со снотворным из специального «гуманного» ружья... Убегать в тупик косуля не захотела – наоборот, загнала туда одного из служителей зоопарка. Подстрелить парнокопытную тоже не получилось – уж слишком шустрой она оказалась. И лишь спустя полтора часа загона по всем правилам егерского искусства на взбесившуюся косулю удалось набросить огромную охотничью сеть. Но и в силках обычно пугливый зверь продолжал демонстрировать непонятную агрессивность: бить копытами, отрывисто хрипеть, угрожающе наклонять голову с маленькими острыми рогами...

– Никогда прежде ничего подобного не видел! – обескураженно резюмировал директор. – Даже если это и бешенство, то у оленей оно так не проявляется.

– И в научной литературе ничего похожего не написано! – растерянно согласилась Лида.

– А может, тут какая-то связь со сбежавшей афганской крысой? – Суровцев уже окончательно утвердился в этой мысли.

– Хотите сказать, что какая-то крыса так сильно напугала косулю? – уточнила лаборантка со скрытой иронией.

– Пока ничего сказать не могу. Но с момента ее исчезновения у нас происходят весьма странные вещи. И, боюсь, это только начало. – Мефодий Николаевич упрямо поджал губы.

– Но ведь крыса, будь она на территории зоопарка, обязательно попала бы в электронную мышеловку! – напомнила девушка; она явно хотела самоутешиться. – Кстати, пока вы ловили косулю, я справилась: четыре крысы обычных, одна мышь-полевка... Больше ничего. И рацион у нас тут непривычный, и климат явно не среднеазиатский. Не говоря уже о многочисленных опасностях и естественных врагах: коты, собаки... люди, наконец. В конце-то концов – где она найдет тут свежее сырое мясо? Мне кажется, она в городских условиях долго не протянет.

Мефодий Николаевич не ответил. Стоя у вольеры с косулей, он задумчиво рассматривал картинки, полученные от перекупщика вместе с афганской крысой; теперь они уже не казались ему такими бессмысленными...

Глава 4

Как и следовало ожидать, о сбежавшей *Rattus Pushtunus* стали потихоньку забывать. Любой крупный зоопарк – не только радость для детишек и их родителей, но и серьезный научно-исследовательский центр. И уж если приходится заботиться о сочетании этих, казалось бы, не совмещаемых вещах, тут не до каких-то сбежавших грызунов!

Тем более что вскоре в зоопарк прибыла сперва одна международная делегация зоологов, затем – еще одна, затем началась подготовка к международной конференции... Каждодневные заботы затягивали, словно воронка. Белая медведица родила детеныша, африканский слон сломал загородку, страус неожиданно клюнул посетителя в блестящую лысину, а один из европейских зоопарков неожиданно предложил выгодный чейндж: редкую галапагосскую черепаху в обмен на двух макак-резус и европейскую рысь.

Взбесившуюся косулю усыпили, причем ткани, лимфу и кровь Суровцев на всякий случай направил на анализ. Никаких подозрительных вирусов и патологий эксперты не обнаружили, и это радовало. Электронные мышеловки были сняты, тем более что надежды поймать беглянку не оставалось даже у Мефодия Николаевича. Директор зоопарка собственноручно подписал акт о смерти афганской крысы, произошедшей «по естественным причинам». Тушку признали негодной для чучелования, и вскоре о досадном инциденте почти забыли.

Лаборантка Лида вернулась к своим любимым земноводным и рептилиям, Суровцев – к переписке с зарубежными коллегами и поискам новых особей для родного зоопарка. Из журнала дежурств на всякий случай изъяли запись ночного охранника о сработавшей в карантине сигнализации – об этом предусмотрительно позаботился директор.

Три раза в сутки сотрудники по-прежнему носили в вольеры еду, и кормежка превращалась для посетителей в традиционное шоу. Толпы детишек с восхищением рассматривали экзотических зверей, экскурсоводы рассказывали школьникам об их повадках и нравах, и общая атмосфера сопричастности с миром дикой природы, казалось, делала даже самых суровых и черствых людей немного добрее.

Однако спустя какую-то неделю в районе, примыкавшем к Центральному зоопарку, начались малообъяснимые и жутковатые события.

Как часто и бывает, сперва по интернет-форумам и блогам пошла гулять очередная «страшилка». Мол, в подсобке «Кулинарии», в которой выпекались пирожки для рынка, заметили некое странное существо. Существо это, названное «тушканчиком», якобы очень походило на обычную помойную крысу, однако страшные всепроникающие глаза, удивительно напоминающие человеческие, внушали безотчетный страх всем, кто их видел. Автор поста сообщал: мол, странный глазастый «тушканчик» совершенно не боится людей, а наоборот – тут же принимает агрессивную позу и ощеривает двойные резцы. При этом его огромные голубые глаза смотрят на человека с таким презрением, что тому сразу становится не по себе.

Социальные сети – своего рода помойки, где можно отыскать и весьма полезные вещи, и обычный информационный мусор о «зеленых человечках», «белых конях» и даже «секретных лучах, при помощи которых нами всеми управляют из космоса». А потому упоминание о «крысе с человеческими глазами» прошло без должного внимания: мол, или очередной бред сумасшедшего, или примитивная мистификация, каких в Интернете сотни, а то и тысячи. Над автором поста незлобно поиронизировали, и информация вскоре забылась.

Спустя несколько дней в Сети появилась нечеткая фотография, явно сделанная мобильником: некий некрупный зверек, весьма походивший на обычную крысу, стоял на задних лапах в весьма агрессивной позе. Редкая шерстка на загривке агрессивно вздымалась, острые двойные резцы выглядели угрожающе, длинный голый хвост внушал отвращение. Глаз грызуна действительно очень напоминал человеческий, однако при желании точно такой же можно было

сконструировать при помощи обычного «Фотошопа». Автор снимка утверждал, что случайно сфотографировал «тушканчика» в колбасном отделе крупного супермаркета, при этом крыса нисколько не испугалась человека, а даже попыталась на него напасть.

И снимок, и повторная информация вызвали вялый интерес интернет-сообщества: никакого отношения к повседневной жизни мегаполиса все это не имело. Информация на Твиттере об автомобильных пробках или прорывах теплосетей традиционно вызывает куда больший интерес...

Глава 5

Собственно, сами события начались несколько позже. Спустя полтора месяца после бегства Rattus Pushtunus в Южный райотдел милиции, расположенный неподалеку от Центрального зоопарка, поступило заявление от одинокой старушки-пенсионерки: мол, проживаю на последнем этаже старого трехэтажного дома, и на чердаке как раз над моей кухней кто-то поселился. Человек, не человек... непонятно, да только по ночам оно пищит, скребется по чердаку чем-то острым и вообще ведет себя как-то странно.

Старушка выглядела бледной, испуганной и предельно подавленной. Несомненно, страх этот был совершенно искренний. Интонации ее были сбивчивыми, движения – заторможенными, голос то и дело срывался на панический шепот.

Как и водится в таких случаях, с заявительницей не стали церемониться: заявление не приняли, зато посоветовали обратиться к отоларингологу – мол, у вас типичные звуковые галлюцинации. Старушка, однако, не унималась – пригрозив «дойти до самого министра», она набилась на прием к начальнику райотдела. Делать было нечего: тот созвонился с участковым, попросив «осмотреть, по возможности успокоить и доложить, а то эта ненормальная нам всем жизни не даст!».

Конечно же, участковый не полез на низкий и тесный чердак; взрослый человек там мог передвигаться разве что сильно пригнув голову. Было очевидно, что ни бомжи, ни наркоманы, ни другие антисоциальные личности жить там не могут по определению. Да и подозрительного шарканья и писка, о котором твердила заявительница, милиционер не услышал.

– Оно обычно по ночам орудует! – с суеверным ужасом заверила старушка. – Громче всего – ближе к утру.

– Оно – это кто? – не понял правоохранитель.

– Не знаю. Может, барабашка, – бабушка посмотрела на потолок с неподдельным испугом. – Может, нечистая сила. Где-то в полночь начинает скребстись, повизгивать и поскуливать. А рано утром – так вообще кошмар! Так, бывало, разойдется, что хоть из квартиры удирай!

– Так, может, вы предлагаете мне еще тут и заночевать? – развеселился милиционер.

– Если со мной что-нибудь ночью случится – это будет на вашей совести! – пригрозила бабушка. – Я вот по ночам лежу, вслушиваюсь... И так жутко становится, что аж жить не хочется!

– Так оно что – еще и разговаривает? – милиционер на всякий случай старался быть вежливым. – Ругается матом, угрожает, стучит в пол... – пытался он подвести непонятное явление хотя бы под одну из статей Административного кодекса.

– Этого еще не хватало! Только скребется и пищит. Но так жутко на душе становится... что лучше бы матом ругалось. Честное слово!

– Коты там, наверное... – попытался урезонить участковый. – Дом у вас старый, потолочные перекрытия деревянные, вот и резонируют... Наверное, кошачьи свадьбы.

– Что я – котов не знаю? Сколько живу здесь, всегда были, а недавно совсем исчезли, – возмутилась старушка. – Коты обычно мяукали и дрались. А это – явно какая-то нечисть... Если они ко мне в спальню попытаются забраться – что тогда?

Посоветовав заявительнице принять снотворное и заткнуть уши ватой, милиционер удалился.

Весь остаток вечера запуганная пенсионерка пыталась совладать со страхом приближающейся опасности. Она знала почти наверняка, что и в эту ночь не заснет.

За окнами зажглись первые фонари, и их желтовато-гнильное свечение навевало безотчетную тревогу. Бабушка сидела за столом, почему-то боясь включать люстру. Из коридора

пробивался призрачный лимонный свет, размывая по стенам зловещие ломкие силуэты. Под окном тревожно взвизгнула автомобильная сирена, и этот звук заставил старушку вздрогнуть. На ветке у самого окна пронзительно вскрикнула какая-то птица, зашуршала листва, ритмичный посвист крыльев прорезал воздух.

Пройдя на кухню, она накапала себе валерьянки. И тут с чердака донеслось короткое злое шорканье, затем некто коротко и пронзительно взвизгнул – аж уши заложило. Бабушка вскрикнула – стакан выпал из рук, с грохотом покатился по полу и с противным хрустом разбился о ножку стола. Странные звуки на чердаке стихли так же внезапно, как и начались.

– Что же это... делается? – Старушка сгребла осколки в мусорный совок и растерянно прислушалась.

На чердаке царила абсолютная тишина – гнетущая, страшная, непроницаемая. Бабушка прислушалась, извлекла из кладовки раскладную лесенку, которую обычно использовала, чтобы заменить в люстре сгоревшую лампочку. Скрутив трубочкой старый журнал, она с криком залезла на самый верх лесенки, приложила скрученный журнал одним концом к уху, а другим – к потолку.

Она простояла на верхней ступеньке минут пять. Ничего подозрительного не было слышно. Лишь кровь с равномерным шуршанием резонировала в бумажном скрутке, да в оконных стеклах тревожно билась муха. Приподнятая к потолку рука замлела, под локтем мелко и холодно закололо, словно сотня острейших иголок воткнулась в кожу. Старушка уже хотела было слезть, но в этот момент над самой ее головой кто-то истошно запищал. Писк полоснул по ушам, словно бритвой. Едва не свалившись с лесенки, бабушка все-таки нашла в себе силы спуститься и отнести ее в кладовку.

– Хоть из дому убегай... – пробормотала она, вновь ощущая в себе легкое дуновение страха.

Обхватив голову худыми морщинистыми руками, она затравленно взглянула на потолок, покрытый причудливой паутиной мелких трещинок. Безотчетный и иррациональный ужас липким серым туманом заволакивал ее мозг. Обостренная тоска заброшенности и обреченности переполняла старуху, выплескиваясь брызгами беспомощных слез. Спазм безжалостной удавкой перетянул ей горло, и она тоненько всхлипнула.

Надо было что-то делать...

Конечно же, можно было отправиться ночевать к дальним родственникам в другой конец мегаполиса. Но что им было сказать о причине визита? Назови она таковой «попискивание на чердаке», и ее немедленно признали бы сумасшедшей. Еще можно было ехать ночевать на вокзал. Однако такой вариант пенсионерка считала унижительным: ведь у нее была своя квартира. Да и возраст не позволял ей спать среди сумок, баулов и грязных храпящих мужиков.

Наконец, когда за окнами стемнело окончательно, она решила посоветоваться с соседями – может, они тоже слышали что-то подозрительное? Соседа из квартиры налево дома не оказалось: он работал на «Скорой помощи» и был на «сутках». А вот приятный седовласый отставник из квартиры напротив не только сочувственно выслушал соседку, но и вызвался слазить с ней на чердак. Он, кстати, тоже несколько раз слышал какой-то подозрительный шорох, однако был абсолютно уверен, что это бродячие коты.

На чердак вела старая деревянная лестница, такая скрипучая, что от одного ее вида хотелось вздрогнуть. Отставник поднялся первым, открыл люк и, забравшись наверх, подал руку бабушке. Тесное полутемное пространство пахло пылью, плесенью и разогретой за день древесиной. В прямоугольнике слухового окна мертвенно светился молодой месяц. Сосед щелкнул тумблером ручного фонарика. Зловещие тени спрятались за растрескавшимися балками, паутина причудливо засеребрилась в желтоватом электрическом свете. Овальное пятно фонаря неторопливо прошло по полу, фиксируя подсохшие кошачьи фекалии, мусор и древесные щепки.

– Да, наверное, Петровна, вам это просто пригрезилось, – сосед-отставник опустил фонарик. – Вы же сами видите – никого тут нет. Да и спрятаться на нашем чердаке негде. Разве что за балками. Так ведь взрослому человеку придется в три погибели стоять...

Вид пустого чердака не сулил ничего зловещего и потому немного успокоил бабушку. Пенсионерка Петровна придирчиво осмотрелась и, поколебавшись, взяла у соседа фонарик, тщательно подсвечивая темный угол как раз в том месте, под которым располагалась ее кухня. Ничего странного и опасного не наблюдалось, и это успокоило ее окончательно.

И тут откуда-то из дальнего конца чердака на нее уставился странный голубой глаз, удивительно похожий на человеческий. Глаз этот, словно подсвеченный изнутри мерцающим люминесцентным светом, выглядел настолько жутко, что старушка едва не свалилась в открытый люк.

– Та-а-ам... – чуть слышно прошептала она одеревеневшими губами. – Та-а-ам кто-то живой...

– Что? Где? – не понял сосед и, выхватив фонарик из ее рук, направил луч в тот самый угол, куда только что смотрела бабушка. – Да нету там никого! Вот, сами посмотрите! Наверное, у вас действительно нервная система не в порядке. Вот и чудится всякое. Хотите, Петровна, я вам хороших успокоительных таблеток дам, сам иногда принимаю?..

Спустя минут десять старушка сидела на кухне, ощущая под языком холодную горькую таблетку. Лекарство действительно помогло, но ненадолго. Смутное ощущение приближающегося несчастья парализовало волю, недобрые предчувствия, словно вязкий тягучий яд, натекали в мозг. Она ощущала себя предельно запуганной, затравленной и беспомощной. А ведь впереди была еще целая ночь, от которой не следовало ожидать ничего хорошего.

Она легла спать в одежде, чтобы при малейшем подозрении на опасность успеть выскочить из квартиры. Спала старуха плохо: всю ночь несчастной чудился огромный голубой глаз, словно подсвеченный изнутри неверным голубоватым сиянием. К середине ночи она, правда, заснула, но ненадолго...

Все началось, как и в предыдущие разы, перед самым рассветом.

Хмурое утро серело за окнами. Мелкий нудный дождь барабанил по наружному подоконнику, струи воды хаотично стекали по стеклам. Поеживаясь под тонким одеялом, Петровна напряженно вслушивалась в окружающие звуки. Пронзительный стук капель о жестяной подоконник, поспешный стук каблучков на улице, тревожная вибрация троллейбусных проводов под окнами...

– Неужели... пронесло? – Она осторожно сунула ноги в тапочки и, приподнявшись, облегченно вздохнула.

Дождливый рассвет за окном постепенно и неотвратимо светлел, словно наливаясь холодным тусклым перламутром. Дождь постепенно усиливался. Неожиданно в окне ослепительно блеснула молния, гигантский синий зигзаг буквально расколол небо надвое. Стекла в серванте жалобно дзинькнули и мелко завибрировали. Угрожающе качнулась люстра, и темные тени стеклянных плафонов взметнулись по потолку, на мгновение сделавшись резко очерченными и зловещими. И в этот момент обострившийся слух различил резкий звук удара чего-то тяжелого о пол кухни.

– О господи... – хозяйка квартиры вздрогнула от неожиданности. – Что же это такое?

Порывистый ветер сыпал в стекла холодными каплями. Тревожно шелестели кроны старых тополей за окном. У Петровны остро заныло в животе, запершило в горле. Екнуло сердце, кровь ритмично прилила к вискам, во рту сделалось солоно и гадко. Необъяснимый страх, легкое дуновение которого она ощущала вчера, теперь прибывал ее, словно бетонная плита. После малообъяснимого грохота на кухне старушка чувствовала себя предельно незащищенной, открытой любому внезапному нападению. Больше всего хотелось бежать из квартиры – прямо в тапочках и в халате, на улицу, в дождь. Однако сознание, этот гибкий утешитель, все-таки под-

сказывало: ничего страшного тут, в огромном густонаселенном мегаполисе, с ней произойти не может. Ведь в этой квартире она прожила почти тридцать лет! Да и соседи, в случае чего, придут на помощь...

Она осторожно вышла в коридор и прислушалась к звукам на кухне. Сквозь барабанную дробь дождя и шелест крон из-за двери доносилось ритмичное пронзительное попискивание. Правда, в отличие от предыдущих разов, попискивание звучало словно из стереодинамика. Хозяйка квартиры могла поклясться, что она различает сразу несколько резких агрессивных голосов. На кухне что-то дзинькнуло, и спустя секунду звон разбиваемого стекла заставил хозяйку нервно вздрогнуть.

И тут в квартире неожиданно воцарилась пронзительная тишина. Порывы ветра за рамами стихли, дождь успокоился, троллейбусные провода на улице – и те перестали вибрировать. Эта зловещая и гнетущая тишина показалась бабушке куда страшнее, чем недавние малообъяснимые звуки с кухни.

Петровна очень кстати вспомнила, что в кладовке хранится длинная швабра. Удерживая швабру наперевес, она несколько минут постояла у двери кухни, собираясь с духом. Наконец, вдохнув воздуха, словно пловец перед нырянием, она вошла...

Мельком взглянув на потолок, хозяйка тихо охнула и от неожиданности выпустила швабру из рук. Затем перевела взгляд на пол...

И оторопела окончательно. В голове послышался негромкий и размеренный гул. Тугой ком тошноты подкатил к горлу, пространство поплыло, словно мираж, ноги сделались ватными. Несчастная испуганно закрыла глаза, затем осторожно их приоткрыла... Увиденное не просто не изменилось, а наоборот – проявилось во всех кошмарных подробностях и деталях.

Звук удара, услышанный во время грозы, не был слуховой галлюцинацией. Оказалось, что ветхая штукатурка рухнула на пол, а вместе с ней вывалилось и огромное крысиное гнездо, сооруженное из полуистлевшей ветоши. Розовые маленькие тельца копошились по линолеуму среди лоскутков, обломков и пыли. Рядом, щерясь двойными острыми резцами, суеилось некое существо, очень напоминающее обычную серую крысу: верткое веретенообразное тело с серой шерстью, длинный голый хвост, острая мордочка с длинными жесткими усиками... И только глаза – небесно-голубые, непропорционально огромные, с пушистыми, словно у человека, ресницами – придавали существу устрашающий облик.

Крысеныши тыкались друг в друга слепыми мордочками и пронзительно попискивали. Под их маленькими тельцами негромко похрустывала штукатурка. Серая известковая пыль клубилась над полом. Старушка смотрела на розовую хвостатую мерзость, явно не веря в происходящее. Тем временем взрослая крыса пристально взглянула на бабушку таким всепроникающим и жутким взглядом, что та истошно закричала и инстинктивно отскочила назад...

Но спрятаться за дверь не успела: в ту же секунду послышалось цоканье коготков по полу, и бритвенно острые крысиные зубы глубоко впились в лодыжку. Бабушка ойкнула и инстинктивно отдернула ногу. Животное агрессивно заурчало. Длинный лысый хвост бичом зашелкал по полу. Темная кровь хлынула из лодыжки на линолеум. Старушка сжалась от ужаса и инстинктивно тряхнула ногой. Однако жуткое существо так и не разжало зубов – наоборот, еще сильнее впилося резцами в мясо.

– А-а-а-а!... – дико закричала несчастная, пытаясь сбросить с ноги крысу, мертвой хваткой впившуюся в плоть.

Но тщетно; чем больше суеилась бабушка, тем сильнее зубастая тварь вгрызалась в ногу.

Старуха, едва не поскользнувшись в луже собственной крови, с истошным криком выбежала в коридор. Остановившись, она вновь попыталась стряхнуть крысу, однако, столкнувшись взглядом со страшными голубоватыми глазами, едва не лишилась чувств. Рука судорожно провернула в замке ключ, и через мгновение пенсионерка была на лестничной площадке.

Выбегая из квартиры, бабушка ударилась окровавленной лодыжкой о дверной косяк, и это заставило жуткую тварь ослабить хватку. Свалившись с ноги, она как ни в чем не бывало уселась на коврик. Из глубокой раны Петровны пульсирующим фонтанчиком брызгала кровь. Крыса попятилась, облизала острым и удивительно длинным язычком окровавленную морду и дважды мигнула пушистыми веками, после чего посмотрела на бабушку с почти человеческим укором: мол, что же ты меня бьешь?

Этот почти человеческий взгляд и подействовал на пенсионерку даже страшней, чем укус. Несчастливая, пронзительно голося, принялась обзванивать соседские двери.

Выпученные глаза соседки, перекошенный рот и пунктирный шлейф крови, тянущийся из квартиры, не на шутку всполошили жильцов. Несколько взрослых мужчин заглянули в квартиру – и искренне ужаснулись. Мерзкие розовые крысеныши расползались по всей кухне, а взрослая крыса, стоя на задних лапках, по-хозяйски пыталась сбить острой мордой крышку с кастрюли, стоявшей на плите. Заметив посторонних, она угрожающе запищала, приняла агрессивную позу и взглянула на мужчин таким жутким взглядом, что им сделалось не по себе.

Сосед-отставник попятился от страха и захлопнул дверь.

– В санстанцию, Петровна, звонить надо, – посоветовал он, вытирая выступивший на лбу пот. – Они этих тварей на три-пятнадцать уgomонят. Вот в семнадцатом доме, когда бойлерную проверял, там крысы гнездо свили. Понимаешь, всех котов в подвале загрызли. Сам видел. Мерзость.

– Говорила же я... – запричитала пенсионерка, сидя на вынесенном на площадку кухонном табурете и трогая мизинцем кровоточащую рану.

Спустя полчаса в подъезде появились сотрудники санэпидемстанции. И крысу, и ее детенышей, каких удалось собрать, со всеми предосторожностями поместили в длинный пластиковый контейнер, который, со слов санэпидемиологов, уже сегодня будет отправлен в специальную печь.

Старушка благоразумно обратилась в травмпункт. Ранка от укуса оказалась неглубокой, хотя и болезненной. Рану, конечно же, промыли, обработали йодом, перевязали, выписали антибиотики и наказали сидеть дома, в случае чего – немедленно обращаться к врачам...

...Естественно, ни Мефодий Николаевич, ни Лида, ни тем более директор Центрального зоопарка никогда не интересовались интернет-сплетнями и уж тем более не читали протоколы санитарно-эпидемиологической службы города. В противном случае дальнейшие события наверняка сложились бы не так трагично...

Глава 6

Вникать в самую суть проблемы свойственно, прежде всего, настоящим ученым. Люди, скользящие по поверхности, склонны лишь к примитивной описательности да повторению сказанного или написанного предшественниками. Из таких получаются хорошие имитаторы, подмастерья и ремесленники, однако серьезных научных открытий от них ждать не приходится.

Мефодий Николаевич Суровцев был Ученым с большой буквы. И дело не только в ученой степени или в научных работах, которых у него было немало. В отличие от многих коллег, Суровцев всегда задавался вопросами: «почему?», «как?» и «зачем?». Хотя каждодневная рабочая рутина и отнимала у него массу времени, однако загадки, связанные с исчезновением афганской крысы, глубоко отложились в сознании.

Но вопросов, связанных с *Rattus Pushtunus*, было куда больше, чем ответов. В Центральном зоопарке афганская крыса пробыла чуть меньше суток, и этого времени явно не хватало для научного анализа.

Основа любой науки – информация. Выяснить координаты посредника, продавшего афганскую крысу в Центральный зоопарк, не получилось: несомненно, он подозревал, каких бед может натворить грызун, и потому на повторный контакт благоразумно не выходил. Вот и получалось, что единственной более-менее значимой зацепкой, которая могла прояснить тайны *Rattus Pushtunus*, были описания британца Чарльза МакКормика, сделанные почти двести лет назад. Однако даже в академической литературе описания эти подавались неполно и поверхностно: мол, крыса афганская схожа с обычной серой крысой, однако отличается от нее формой и цветом глаз, а также необычайно развитым интеллектом.

Поразмыслив, Суровцев написал письмо в Лондон, в Королевское географическое общество с просьбой предоставить всю полноту информации, собранную МакКормиком. То ли международный авторитет Мефодия Николаевича был действительно высок, то ли в Лондоне также интересовались *Rattus Pushtunus*, однако сканированные рукописи ученого вместе с его рисунками пришли по «мылу» уже через четыре дня.

Суровцев изучил документы предельно внимательно, тем более что пунктуальный британский биолог не только скрупулезно описал афганскую крысу и ее повадки, но и сделал несколько подробных рисунков.

Самые худшие опасения ученого полностью подтверждались... Оказывается, *Rattus Pushtunus* действительно был существом исключительно плотоядным, отличался редкостной агрессией и вел преимущественно ночной образ жизни. Настоящим шоком для Мефодия Николаевича была информация, что афганская крыса одновременно совмещала сразу две половые системы. Получалось, что жутковатое существо могло оплодотворять само себя, и одной особи было достаточно, чтобы грызун в короткое время расплодился в геометрической прогрессии.

Естественно, Мефодий Николаевич сразу же ознакомил с записками МакКормика свою лаборантку.

– Не может этого быть! – округлила глаза та. – Я знаю, что некоторые рыбы могут менять пол в зависимости от некоторых обстоятельств. Так называемый «золотой карась», например. Но чтобы такие вот высокоорганизованные млекопитающие...

– Теперь понимаю, почему того МакКормика подняли на смех коллеги, – вздохнул Суровцев. – Рассказать о таком виде где-нибудь в Институте биологии при нашей Академии наук – тоже засмеют. Это то же самое, что человек с четырьмя группами крови одновременно!

– То есть получается, что МакКормик эту крысу препарировал?

Мефодий Николаевич протянул принтерную распечатку рисунков британского ученого. Изображение препарированной афганской крысы сразу же привлекло внимание лаборантки.

– Просто невероятно! – заключила Лида. – Это же... какая-то аномалия! Яичники, матка, семенники... И все – одновременно, и в одном организме. Млекопитающее, живородящее, теплокровное... и двуполое. И что – он ни чучела не привез, ни образцов тканей?

– К сожалению, не получилось. Зато записал довольно жуткую историю, – мрачно добавил Суровцев, рассматривая распечатку. – Еще вчера я посчитал бы ее мистификацией... Ага, вот и она. Чтобы тебе не напрягать зрение, перескажу коротко. МакКормик несколько лет путешествовал по Азии. По своим научным делам, так сказать. Из Индии он попал в Кабул, где нанял проводника с двумя выючными лошадьми и вооруженную охрану на всякий случай. В каком-то караван-сарае МакКормику и продали эту самую *Rattus Pushtunus*. В деревянной клетке, если верить описанию. Тут, кстати, все сходится: грызун оказался исключительно плотоядным, как мы это и установили экспериментальным путем. По дороге в Самарканд, на каком-то горном перевале, случилась досадная неожиданность: афганская крыса сумела перегрызть деревянные пруты, вылезти наружу и укусила одну лошадь. Через какое-то время та сделалась совершенно неуправляемой: сбросила в пропасть вторую лошадь вместе с грузом, накинулась на проводника, пытавшегося ее успокоить, откусила ему половину лица и стала носиться, как сумасшедшая, круша на своем пути абсолютно все... Пока сама не упала в пропасть.

– Точно наша косуля? – вспомнила Лида.

– Вот-вот. Афганский охранник каким-то чудом крысу подстрелил, а МакКормик ее там же и препарировал. Правда, чучела из подстреленной афганской крысы не получилось – условий не было. Зато описание вышло весьма детальным.

– А если бы эта тварь укусила человека? – с ужасом прошептала Лида. – Что было бы тогда?

– Я об этом и думать не хочу. Но знаешь – теперь я почти уверен, что те картинки, сделанные офицером афганской полиции, – не бред и не галлюцинации наркомана. Если наша подопечная в том кишлаке под Кандагаром действительно укусила одного... или несколько человек, то там могло произойти все, что угодно. Включая массовую резню.

– Получается, что один-единственный укус крысы провоцирует в любом живом существе, и даже не обязательно в человеке, всплеск беспричинной агрессии?

– Вот именно. Причину пояснить не берусь. Возможно, дело в слюне этой твари. Может быть, там содержится какой-нибудь неизвестный науке амфетамин. Возможно, дело в чем-то еще. – Суровцев тяжело вздохнул. – А теперь, Лида, давай просчитаем самое худшее. С момента бегства *Rattus Pushtunus* прошло уже больше двух месяцев. Сбежавшая крыса могла самооплодотвориться и нарожать потомство. Те, в свою очередь, расплодятся по городу и вновь нарожать потомство. И так далее, по прогрессивной шкале. Ведь способность к саморедуцированию у этих двуполых тварей наступает где-то через месяц после рождения... В любом случае, рано или поздно эти существа начнут нападать не только на домашних животных, но и на людей. И притом – массово.

– И что тогда будет? – страшным шепотом спросила лаборантка.

– А об этом я даже думать боюсь...

Глава 7

Пенсионерка Петровна сидела вечером перед телевизором и прислушивалась к ноющей боли в лодыжке. Тупая боль то затихала, то накаtywала вновь. Синий мертвенный свет липкими пятнами ложился на ее лицо, мрачно отражался в полированных плоскостях мебели, причудливо бликовал в стеклах серванта. В ушах то и дело звучал жуткий пронзительный писк – тот самый. И хотя бабушка уже сумела убедить себя, что ничего подобного с ней не повторится, ее не покидало ощущение надвигающейся беды.

То и дело поправляя сбившиеся волосы, она настороженно прислушивалась к звукам в квартире. За стеной слева всхлипывал ребенок, за стеной справа нервными и рваными сполохами пульсировала музыка. А вот на чердаке было на удивление тихо – даже старые деревянные перекрытия не потрескивали, как обычно в такое время.

Прихрамывая, хозяйка квартиры прошаркала на кухню. Едва уловимый сквозняк бесильно колыхал тюлевую занавеску. Голубоватый язычок пламени в газовой колонке светился одиноко и печально, словно погребальная свеча. На потолке по-прежнему зияла овальная дыра с рваными, словно обгрызенными краями. Черное отверстие навевало невольные ассоциации с разрытой могилой. Оттуда тянуло неприятным холодком, и это лишь усиливало недобрые сравнения.

Стараясь не смотреть на отверстие в потолке, старушка сделала себе чай и отправилась к телевизору. Допив чай и так и не досмотрев сериал, она тщательно закрыла на задвижку дверь и устроилась на диване.

Ближе к рассвету она проснулась, почувствовав странный холод в левой руке. Затем – быстрое злое шелестение и мгновенное ледяное прикосновение, будто кто-то пытался укунить ее за пальцы острыми резцами. Петровна окаменела в параличе. У нее не было сил даже пошевелиться. Руку словно пронзила сотня тонких стальных иголок, и пальцы затекли мгновенно. Обострившийся слух различил едва уловимый шорох, затем короткий писк, затем вновь странное шелестение. Бабушка долго не могла найти в себе силы повернуть голову. Наконец она осторожно открыла глаза и скосила взор влево... Оказывается, рука ее во сне свесилась с дивана на пол. Первым желанием было отдернуть ладонь, однако она невероятным усилием воли подавила в себе этот позыв: а вдруг на нее кто-то бросится? Несколько минут несчастная так и лежала с открытыми глазами, боясь шелохнуться.

Больше, однако, ничего подозрительного не произошло. Осторожно повернув голову, Петровна взглянула вниз. Оказывается, свесившаяся с дивана рука прикасалась к ворсистому домашнему тапочку. Его холодная кожаная окантовка и напугала бабушку во сне. Старушка осторожно отодвинула тапочки подальше и с удивлением обнаружила: ранка, еще вечером зудевшая, словно от укуса шершня, теперь вовсе не давала о себе знать. Сдвинув марлевую повязку, бабушка с удивлением обнаружила, что рана почти зажила – лишь по краям ее едва заметно сочилась розоватая сукровица. Петровна, скукожившись в позе эмбриона, едва заметно заулыбалась – впервые за несколько дней. И заснула...

Уже на грани яви и сна она ощутила в себе некую необыкновенную легкость. Недавние кошмары как-то незаметно позабылись, и на их место внезапно пришла странная уверенность в себе. Словно бы перед внутренним взором ритмично проворачивался гигантский калейдоскоп, и мрачные орнаменты постепенно сменялись куда более радужными и прозрачными картинками. Потом в мозгу будто включился невидимый тумблер – пространство во сне расслоилось на зубчатые спектры радуги, под черепной коробкой послышался едва различимый гул, будто кто-то включил невидимый трансформатор. А затем все стихло...

Проснулась она рано. Солнечный лучик застенчиво пробивался сквозь щель между тяжелыми шторами, золотил пыльный экран старого телевизора. Пенсионерка осторожно опустила

на пол покусанную ногу, ожидая почувствовать привычную боль. Однако ступня двигалась на удивление свободно. Внезапная легкость, так удивившая ее в момент засыпания, теперь расталась в сознании, словно баобаб, заслоняя собой все былые невзгоды. Почему-то подумалось – мол, если бы сейчас по квартире бегало хоть полчище крыс, она бы не обратила на них никакого внимания.

Старуха, с хрустом распрямив плечи и выпрямившись во весь рост, прошла по квартире. Странно, но даже не прихрамывала. В ванной комнате Петровна на пару минут задержалась перед зеркалом, хотя вот уже пять лет, как избегала смотреть на свое отражение – одно расстройство. Морщины вроде даже расправились, чуть подтянулась обвисшая кожа на шее. В глазах появился задорный огонек.

– Просто выпалась по-человечески, – объяснила необычное превращение пенсионерка и двинулась на кухню сооружать завтрак.

Обычно она обходилась запаренными овсяными хлопьями и стаканом сладкого чая. Теперь же проснулся аппетит, даже сгрызла три овсяных печенья, застыла перед раскрытым холодильником.

«Колбаски бы сырокопченной, – подумала старуха и плотоядно причмокнула языком. – Нет. Лучше мяса. Много-много жареного мяса, на косточке, с кровью...»

Спустя минут пятнадцать отражение Петровны преломилось в витрине огромного супермаркета. Старуха помедлила, разглядывая колбасную витрину, достала кошелек, пересчитала мелкие купюры, тяжело вздохнула. Спустя минуту она решительно прошла в автоматически раздвигающуюся дверь, влилась в поток покупателей.

Теперь спокойная и обычно вежливая пенсионерка смотрелась весьма странно. Морщинистое лицо выглядело напряженным, губы были поджаты, в выцветших голубоватых глазах мерцали едва различимые звериные огоньки. Движения, еще недавно плавные, по-старушечьи размеренные и осторожные, были резкими и брутальными. От Петровны исходили явные флюиды беспричинной и все возрастающей агрессии. Бесцеремонно распахивая покупателей грохочущей хозяйственной тележкой, она целенаправленно двигалась против людского потока, норовя специально кого-нибудь задеть. От нее шарахались, но сделать замечание пожилой женщине никто не решался.

Раньше Петровна лишь в дни получения пенсии обращала внимание на мясной отдел. В другое время его для нее не существовало. Обычно покупала там двух мороженных куриц. Придя домой, педантично расчленяла тушки бройлеров на части, паковала в пакетики и засовывала в морозилку. Этих порций ей хватало на месяц. Варила бульон, вареным мясом заправляла каши и картошку. В остальные же дни дальше молочного и хлебного отдела в торговый зал не продвигалась. Сегодня же словно черт вселился в старуху. Она катила перед собой большую грохочущую тележку, смотрела на ценники и злобно комментировала.

– Пусть сами попробуют на мою пенсию выжить. Уроды. Для кого только все это повыставляли. «Молодые калифорнийские осьминоги», – прочитала она ценник. – Тьфу, пауки какие-то, – бросила себе пару мороженных лососей Петровна и уже без сомнений завладела стопкой шпротов.

Любимый молочный отдел теперь не заинтересовал старушку, она проскочила его на полной скорости. Ее призывно манил кроваво-красным – мясной. За стеклянной перегородкой работал рубщик. Ритмично вздымалось и опускалось блестящее лезвие топора, хрустели кости, во все стороны летели бордовые ошметки мяса и сгустки крови. Свиная туша с каждым ударом уменьшалась в размерах. Целое неотвратимо распадалось на куски. И уже ничто не могло его вернуть в прежнее состояние. Рубщик ловко насадил на крюк свиную голову. То, что, возможно, еще вчера радовалось жизни, смотрело теперь на мир пустыми осмоленными газовой горелкой глазницами.

Бабушка смотрела на работу рубщика немигающим замороженным взглядом. Холодная сталь, безжалостно перерубающая мясо, кости и сухожилия, невольно приковывала взгляд. Чвакающие звуки расчленяемой плоти пробуждали странные мысли и желания, которые старуха еще до конца не осознала. Кровоточащие куски свинины, висящие на гигантских крюках, заставляли ее невольно сглатывать слюну.

Гигантский калейдоскоп, который вот уже несколько часов проворачивался перед глазами бабушки, незаметно ускорился в движении, и сменяемые узоры били всеми оттенками красного.

Петровна указала продавщице на два самых больших куска мяса и бросила с вызовом:

– Эти покажи.

– Оно дорогое. Вырезка, – осторожно вставила продавщица, укладывая мягкое парное мясо на весы.

– Сама знаю, что мясо нынче дорогое, – старушка нагнулась, раздувая ноздри, принялась, а затем неожиданно лизнула филейную вырезку и зажмурилась.

– Что вы делаете? – опешила продавщица, на всякий случай отодвигаясь от странной покупательницы.

– Ты свою работу делай. Поняла? – ответила Петровна с уже нескрываемой агрессией.

Пенсионерка даже не посмотрела, какой ценник прилепила продавщица. Ее внимание уже привлек красочно оформленный стенд, за которым в углу торгового зала проходила рекламная акция. Представитель торговой фирмы ловко орудовал набором ножей, расхваливая его достоинства потенциальным покупателям.

– Подходим... смотрим... – бубнил он заученной менеджерской скороговоркой. – Изогнутый нож номер пять с двойным лезвием. Одним движением регулируем зазор и получаем новую толщину нарезки! Потоньше для гостей, потолще для себя!

Кружочки колбасы посыпались из-под изогнутого турецким ятаганом зубчатого лезвия.

– Лезвие имеет вечную лазерную заточку. Перерезает жилы, хрящи и тонкие кости. При желании им можно перерезать и гвоздь. Но не советуем делать этого в домашних условиях...

Петровна уже оказалась в первом ряду любопытных. По пути она успела забросить в свою проволочную тележку несколько пачек дорогого стирального порошка, пару бутылок коньяка, связку сухих колбас и еще что-то косметическое, о предназначении чего не имела ни малейшего понятия. Ее просто привлекла красочная упаковка и приятный лимонный запах.

– А также им очень легко нарезать зелень...

Пучок петрушки взлетел, кувырнулся в воздухе. Демонстратор словил его, прижал к разделочной доске и зачистил ножом. Публика замороженно следила за тем, как острое лезвие, постукивая, приближается к руке. Казалось, вот-вот, и пальцы посыплются аккуратными круглыми ломтиками. Но рекламный сотрудник вовремя разжал их и победно довершил расчленение пучка петрушки двумя хлесткими ударами ножа.

– Всего две тысячи девятьсот девяносто девять рублей, – вещал демонстратор, перебрасывая разнокалиберные ножи из руки в руку. – Специальное предложение, количество ножей ограничено. В комплект входит элегантная подставка, которую можно мыть в посудомоечной машине. Количество товара ограничено. Каждому, купившему комплект прямо сейчас, в подарок дается и секач для мяса. Уникальное лезвие.

Сотрудник одним движением всунул пять ножей в прозрачную подставку и вознес над головой сверкающий секач с полукруглым лезвием.

– Мороженое мясо им перерубить можно? – деловито поинтересовалась Петровна.

– К сожалению, мороженого мяса в этом супермаркете просто не продают, – улыбнулся демонстратор. – Вот разве что рыбу? Вы готовы предложить своего лосося?

– Еще чего! – пенсионерка недобро прищурилась.

– Понимаю. Тогда сойдемся на обычной кости. Согласитесь, она по определению тверже льда. Этот эксперимент удовлетворит ваше любопытство?

– Валяй, фокусник, – развязно ответила Петровна, неотрывно глядя на блестящее лезвие.

На разделочную доску лег свиной хребет в ошметках розоватого мяса. Демонстратор выдержал паузу, а затем резко опустил секач. Лезвие вошло в позвонок, а не между, но все же справилось с задачей.

– Ты смотри, хребетник свиной надвое развалил, – с нескрываемым восхищением произнесла Петровна. – Беру, – и она требовательно протянула руку.

Демонстратор скептически осмотрел старушку. Заподозрить, что в ее потрепанном кошельке завалялись лишние три тысячи рублей, было сложно. Но терять лицо перед впечатленной публикой мелочным спором он не хотел. К тому же опытным взглядом демонстратор определил, что несколько покупателей уже созрели для приобретения чудо-набора.

– Вы сделали правильный выбор, – заученно произнес он. – Вот ваш набор ножей, – вручил Петровне картонку. – И секач в подарок. Сейчас и его упакую.

Старушка нетерпеливо вырвала из руки неупакованный секач, щелкнула по лезвию ногтем.

– Острый, зараза, – оценила она инструмент, бросила его в тележку и покатила к выходу.

Демонстратор ненавязчиво подмигнул охраннику супермаркета: мол, проследи за старой ведьмой, чтоб чего не сперла, не нравится мне она.

Охранник молча снялся с места. Он настиг Петровну возле самой кассы, хотя уже и сам понимал, что старушке набранных товаров не оплатить. Их стоимость явно превышала ее пенсию раза в два.

– Наличными будете рассчитываться, уважаемая, или карточкой? – с холодной вежливостью поинтересовался он.

– Руки-то убери! – Петровна с вызовом толкнула тележку в проход между кассами.

Охранник не ожидал такого напора, а потому остался сзади, на всякий случай контролирующая старушку.

– А вы, гражданка, не кричите, – дипломатично посоветовала кассир. – Выкладывайте покупки на транспортер и не задерживайте очередь.

– Нечем мне платить, не буду, – заявила старуха и набычилась, задышала тяжело и шумно.

– Тогда оставляем товар и уходим, – охранник одной рукой схватил ручку коляски, второй принялся выгребать несостоявшиеся покупки. – А будете кричать и хамить, мы милицию вызовем, – пригрозил он.

Петровна вроде бы смирилась с тем, что у нее забирают приглянувшиеся вещи, но стоило охраннику позариться на секач, выложить его на ленту у кассы, как глаза ее недобро сверкнули.

– А его мне подарили, – произнесла она тихо, но очень внятно и убежденно.

– Товар, говорю, выкладывайте!.. – повысил голос охранник и преградил путь вперед, опираясь рукой об угол прилавка.

Старушка прищурилась недобро. Гигантский калейдоскоп теперь шуршал в ее голове ритмично и угрожающе. От постоянной смены узоров рябило в глазах и кружило в голове. Разноцветные стекляшки и камушки все быстрее и быстрее складывались в причудливые кровавистые узоры-сгустки, и пенсионерка была готова поклясться, что среди них то и дело мерцает огромный глаз, подкрашенный изнутри голубоватым свечением...

Электрический лучик призывно пробежался по лазерной заточке секача. Сухая морщинистая рука со всей силы сжала холодную рукоять. Мгновение – и острое лезвие со всего размаху опустилось на ладонь охранника. Четыре отрубленных пальца отскочили на транспортную ленту, прямо к кассиру. Охранник заорал, расширенными от ужаса глазами посмотрел на беспалую руку, прижал ее к животу и беспомощно опустился на пол, теряя сознание. Темная кровь запульсировала фонтанчиками. Кассирша непонятливо взглянула на отрубленные

пальцы и тоненько взвизгнула. Публика в очереди панически расступилась, явно не веря в происходящее. Петровна внимательно осмотрела окровавленное лезвие, затем взглянула на лужу крови, неотвратно увеличивавшуюся в размерах... Глаза ее остеклянились, зрачки превратились в микроскопические точки.

И тут зал супермаркета истошной бензопилой прорезал чей-то голос:

– Убиваю-у-у-ут!

Этот крик словно придал недавно еще безропотной бабушке новый импульс агрессии. Поправив всклокоченные волосы, она сильней сжала эбонитовую рукоять секача, безумным взглядом выбирая из очереди новую жертву. Народ, побросав тележки, бросился врассыпную. Из глубины супермаркета донесся тоненький детский плач, стеклянным водопадом посыпалась выдавливаемая витрина. По торговому залу хаотично раскатилась пирамида апельсинов. В руках какого-то покупателя хрустнула банка с гранатовым соком, и темно-бордовая жидкость хлынула на стенд с газетами. В какую-то минуту кассовый зал огромного супермаркета почти опустел – народ в панике побежал назад, попрыгался за стеллажами.

Пенсионерка, недобро щурясь, шагнула к кассирше. Та, не в силах подняться с кресла, безумным взглядом осматривала отрубленный мизинец, лежавший прямо на ее коленях...

Секач описал мгновенную дугу и опустился прямо в темечко девушки. Смачно хрустнул пробиваемый череп, брызнула кровь, кассирша беззвучно ткнулась головой в кассу. Старушка тщательно вытерла о халат убитой окровавленное лезвие и принялась деловито складывать отобранные покупки в тележку. При этом тесак она так и оставила в правой руке. Спустя несколько минут Петровна прямо с тележкой выходила на улицу. Небольшую очередь, стоявшую в кондитерском отделе, как ветром сдуло.

И тут слух бабушки рассекла милицейская сирена, за спиной послышался мерный топот. Бабушка обернулась – позади маячило два силуэта секьюрити в черной униформе, однако приблизиться они не решались.

Петровна прищурилась, деловито оценивая обстановку. От подземного перехода ее отрезали охранники, впереди ритмично вспыхивала мигалка милицейской машины.

И тут старуха с необычайной для себя ловкостью подхватила тележку и побежала через дорогу, проворно уворачиваясь от транспорта. Многополосный оживленный проспект совершенно ее не пугал. Ровное движение автомобильного потока тут же нарушилось. Завизжали тормоза, раздались удары, посыпались разбитые стекла.

Охранники супермаркета все еще не решались выбежать на дорогу с оживленным движением, следили за молниеносными маневрами Петровны с тротуара.

– Это не человек... – один из парней зажмурился. – Какая-то фурия...

Старушка уверенно приближалась к противоположной стороне проспекта. Увернувшись от грузовика, она выскочила из-за затормозившего автобуса прямо под колеса малолитражки. Девушка, сидевшая за рулем, даже не успела нажать педаль тормоза. Проволочная тележка взлетела в воздух вместе с покупками. Замороженный лосось гулко врезался в крышу легковой машины. Сама Петровна, сбита бампером, отлетела на несколько метров и, распластав руки, свалилась на тротуар, несколько раз дернулась и затихла. Ветер трепал растрепанные седые волосы. Из-под головы текла лужица крови. Глаза Петровны, еще недавно сверкавшие беспричинной злобой, теперь выглядели тускло, недвижно уставившись в небо.

Девушка испуганно выбралась из-за руля, деревянной походкой приблизилась к жертве транспортного происшествия, присела на корточки.

– Вы живы? – неуверенно спросила она.

Петровна не отвечала. Между раздвинутыми потрескавшимися губами виднелись два желтых уцелевших за долгую жизнь зуба. Девушка нагнулась, чтобы послушать, дышит ли пострадавшая. И тут внезапно ожившая Петровна схватила ее за шею, прижала к себе и, глухо урча, впилась зубами в шею.

Когда несчастную вырвали из этих объятий бросившиеся на помощь водители соседних машин, Петровна еще дышала. Но это уже была агония. Люди кружком стояли возле нее и не решались подойти ближе. Старуха приоткрыла веки и произнесла тихо, но очень внятно:

– Зима была холодная, лето – горячее, а осень будет кровавая!

Глава 8

О событиях в магазине Суровцев узнал вечером того же дня из «Криминальной хроники». Телеведущий никак не прокомментировал жуткое происшествие в супермаркете, однако подтекст был очевиден: агрессия мирной доселе бабушки была совершенно беспричинной и неспровоцированной. Тем более и по месту бывшей работы, и по месту жительства ее характеризовали как интеллигентного и законопослушного человека.

Ситуация требовала немедленного прояснения. Усевшись за компьютер, Мефодий Николаевич законнектился в поисках свежей информации.

За этим занятием и застала его Лида. Ученый спокойно воспринял поцелуй в щеку. Последние дни они с Лидой особо не скрывали своих отношений, даже при посторонних. Хотя никаких объяснений между ними не произошло. Просто стали поступать так, как каждому из них хотелось в душе. Как-то незаметно они даже окончательно перешли на «ты»...

Лаборантке нетрудно было догадаться, что выискивает ее шеф во Всемирной паутине.

– Забудь и не думай, не было всего этого, – произнесла Лида, глядя на монитор.

– Не будем страусами, прячущими голову в песок, – отозвался Мефодий Николаевич. – Тем более когда в страусиной вольере бетонный пол.

– А мы-то тут при чем? – бросила Лида с подчеркнутыми интонациями отчуждения. – Обвинять нас не в чем. Крыса сбежала не по нашей вине. В момент ее бегства вообще никого из нас в зоопарке не было. Охранник, который случайно ее выпустил, – и тот не виноват. Фатальное стечение обстоятельств...

– Нет, Лида, виноваты именно мы, – возразил Мефодий Николаевич печально и веско. – Мы должны были предвидеть абсолютно все. Даже международный спекулянт животными, продавший нам крысу, – и тот оказался по-своему порядочным, приложил краткую записку и рисунки афганского офицера полиции. Слишком уж легкомысленно мы ко всему этому отнеслись.

– Кто бы мог подумать... – осторожно вставила Лида.

– Почти неизвестное науке животное, – бесстрастно продолжал Суровцев. – Никаких исходных данных. Надо было предвидеть абсолютно все. Ведь мы дипломированные биологи... Ученые, а не мелкие лавочники от науки.

– Это звучит слишком пафосно.

Суровцев на минуту оторвался от компьютера, закурил, отодвинулся в кресле, и тень от настольной лампы накрыла половину его лица, словно козырек. Глубокая вечерняя тишина ощущалась во всем здании научного корпуса, камнем обьяв большой, в три окна, кабинет.

– Все это очень напоминает старую восточную сказку, – произнес Мефодий Николаевич задумчиво и печально. – Один человек закинул невод и вытащил кувшин, открыл его и выпустил на свободу джинна. Джинн сперва съел всех его родных, потом всех горожан города, а потом самого рыбака. Боюсь, это как раз тот случай.

– Предлагаешь ловить выпущенного на свободу джинна? – Лида мельком взглянула в монитор. – Но ведь в наши обязанности это не входит.

– А кроме нас, подозреваю, этим заниматься и некому. Вот, смотри, – Мефодий Николаевич повернул к собеседнице монитор. – Полюбуйся, вот Livejournal одного самопального любителя мистики. Насколько я понимаю – отсюда, из Южного округа. То ли художественная проза, то ли бытовые мемуары на тему «Как меня покусала бешеная крыса».

– Хорошо, что не он ее, – нервно улыбнулась лаборантка.

– Причин для смеха не вижу, – жестко обрезал Суровцев. – Чтобы ты не портила зрение, пересказываю прочитанное. Мол, выносил мусорное ведро, обнаружил в приемнике мусоропровода крысу. Большую, серую, с нежными розовыми ушками и огромными голубоватыми

глазами – никогда прежде таких не видел. Она на него беспричинно бросилась, укусила за руку. Удалось ударить ее ногой в голову и оглушить. Крысу выбросил в трубу. Назавтра ранка зудела, но недолго. Зажила, и вскоре укушенный ощутил странный прилив сил. Почувствовал невероятную уверенность в себе и возможность сделать все, что ему раньше не удавалось. Правда, с укусом крысы это состояние не связывает. Вот его последний пост: «Решил поквитаться с двумя уродами, раздать все долги. Вернусь – напишу и «запущу» фотки!» Кстати, с этого момента его Живой Журнал ни разу не обновлялся.

Мельком взглянув в монитор, Лида выдала неуверенно:

– Мистификация, наверное. И вообще – все бездарные писатели пишут исключительно «из жизни», по принципу «что вижу, то пою». А блогеры – так вообще люди невменяемые. На что угодно готовы, чтобы привлечь к себе внимание, зафрендить как можно больше таких же ненормальных и стать «тысячниками»...

Мефодий Николаевич поджал губы. Благодушие лаборантки ему явно не нравилось.

– Я все тщательно проверил. Вот сводка МВД по городу. Вчера утром оперативники задержали молодого человека, подозреваемого в совершении двух абсолютно бессмысленных убийств. Первой жертвой стал преподаватель университета, где учился молодой человек. Тридцать четыре колотые раны отверткой, череп пробит в двух местах. Убит на пороге своего подъезда. Убийце удалось скрыться. Спустя два с половиной часа ножкой от стула убит вахтер студенческого общежития. Убийцу задержали на месте, сдали милиции. Рационально пояснить причины преступлений он не может.

– Может, это все-таки совпадение?

– Боюсь, что нет. Я тут внимательно проанализировал все милицейские сводки. Вот уже месяц, как у нас таких случаев все больше и больше.

– У нас – это где?

– В Южном округе, – пояснил Суровцев. – Далее эта зараза пока не докатилась. А у нас все эти ситуации – словно под копирку. Живет себе законопослушный человек, тихий, незаметный. Никого не трогает, никаких проблем соседям не создает. Потом происходит какой-то сбой, и спустя несколько суток человек становится неуправляемым. Чем спокойней он был раньше, тем более невменяемым становится. Началось все действительно с нашего зоопарка. Вот, посмотри...

Лида зашла Мефодию Николаевичу со спины и глянула на экран. Там высветилась карта города. Весь Южный район, словно сыпью на теле больного, пестрел красными точками.

– Каждая точка – место жительства одного из внезапно сошедших с ума, – прокомментировал Мефодий Николаевич. – Видишь, они гнездами располагаются, радиально от нас. Так может быть только в одном случае: если источник заражения локализован в самом центре относительно расположения этих точек. А теперь полюбуемся на график. Это скорость, с которой увеличивается распространение сумасшествия.

– Растет в геометрической прогрессии, – глянула на круто взмывающую вверх кривую Лида.

– Если ничего не предпринять, скоро окажется зараженным все население района.

– Одного не могу понять, почему эпидемия... если это действительно эпидемия, практически не распространяется за границу Южного округа? По всему остальному городу зафиксировано только два происшествия?

– Река, – Суровцев прочертил на экране пальцем воображаемую линию. – От мегаполиса нас отделяет река. Крыса, вернее, то животное, которое мы условно называем крысой, скорее всего не умеет плавать. Видимо, потому, что в Афганистане мало воды.

– А мосты, коммуникации? Почему *Rattus Pushtunus* не воспользуются ими? – пыталась доискаться до правды Лида.

– Я сказал тебе то, что знаю сам. Надо радоваться, хоть что-то их сдерживает.

– Вот уж радость, – Лида пристально посмотрела на шефа. – Вы пытались объяснить это чиновникам из нашей мэрии?

– Я дважды писал им подробнейшие отчеты, один раз даже пробился на прием к главному эпидемиологу. Ничего они слушать не хотят. Для них *Rattus Pushtunus* – красивый художественный миф. Эдакий городской фольклор. Крысы для них не существует, записки англичанина – мистификация, полная чушь, как и рисунки афганского офицера. Да и мы ничего теперь не сможем доказать: ведь директор во избежание недоразумений даже изъясил из журнала происшествий страницу с отчетом секьюрити. Плюс ко всему – липовый акт «о списании» и остальные фальшивки... Так что в санэпидемстанции все это массовое умопомешательство последних дней склонны считать заразной болезнью. Они почти готовы объявить эпидемию и закрыть Южный округ для сношений с остальным городом. Это пока только в предварительных планах, насколько я понимаю; окончательное решение за городскими властями.

– Значит, они поверят, лишь увидев афганскую крысу собственными глазами? – сказала и прикусила губу Лида.

– Только тогда, когда мы продемонстрируем им корректно проведенный научный эксперимент, – поднял палец Суровцев. – Убедительный и наглядный. Который и докажет связь между расстройством психики и образом жизни *Rattus Pushtunus*.

– И как вы это собираетесь сделать?

– Я уже все обдумал. И мне понадобится твоя помощь.

– А может, пусть все-таки этим занимаются те, кто и должен по службе? Милиция, санэпидемстанция... МЧС, в конце концов? Зачем это тебе надо? Ты ведь в отпуске уже третий год не был! Давай уедем отсюда... В Турцию, в Тунис, на Канары какие-нибудь! Пока мы будем отдыхать – тут и без нас разберутся.

Мефодий Николаевич боднул Лиду строгим взглядом. Она не выдержала, отвела глаза.

– Понимаешь ли, Лида, – прищурился Суровцев. – В жизни каждого человека наступает такой момент, когда будущее его близких зависит только от него самого. И никто в целом мире ему не поможет. Когда ты отчетливо понимаешь – вот он, рубеж, перед которым не удастся юркнуть сбоку, пронырнуть как-нибудь снизу, обежать вокруг или вообще уклониться от решения. Ты и только ты, и кроме тебя никто этого не сделает. Для меня такой момент настал. Думаю, для тебя тоже. Подумай – сможешь ли ты жить дальше так же, как и раньше... после всего, что ты узнала? Мы будем действовать вместе, мы будем друг другу помогать. Слово за тобой.

За окнами кабинета умирал закат – бордовый, словно запекшийся кровоподтек. Пронзительная звенящая тишина окутывала кабинет. Сквозняк тревожно шелестел портьерами, Лида печально молчала. Несомненно, ей не очень-то хотелось ввязываться в авантюру с поимкой жуткой твари, однако твердость Мефодия Николаевича в уже принятом решении подталкивала ее к солидарности.

– Я согласна, – наконец произнесла Лида.

– Я знал, что ты человек порядочный, – понимающе улыбнулся Суровцев.

– Но как и где ее ловить? Ведь когда это мерзкое существо сбежало из зоопарка, оно даже на электронные ловушки не повелось. Значит, психика у нее к таким импульсам невосприимчива...

– Я уже все придумал... Или почти все, – Мефодий Николаевич, явно воодушевленный согласием Лиды, заговорил куда энергичней. – Главное – слушайся во всем меня и не задавай лишних вопросов. Бить надо наверняка – в то место, где крысы наверняка есть, – он ткнул кончиком ручки в скопление красных точек на мониторе. – Я почти уверен, что *Rattus Pushtunus* свили гнездо неподалеку во-он от того старого дома и оттуда делают свои набеги. Ну-ка, какой у него номер...

Глава 9

Спустя полтора часа Лида и Суровцев выходили через служебные ворота зоопарка. Секьюрити неодобрительно взглянул на клетку в руках лаборантки. Проволочную конструкцию прикрывала плотная светонепроницаемая ткань. Внутри что-то шуршало и попискивало.

– Вообще-то, с территории зоопарка ничего выносить нельзя, – дипломатично напомнил охранник. – Даже вам, Мефодий Николаевич...

– У нее там морские свинки, две штуки, для опытов в лаборатории НИИ экспериментальной биологии, – отчеканил Суровцев. – Вот пропуск, а вот сопроводительные документы, – в окошечке зашуршали бумаги с круглыми штампами. – Директор, естественно, в курсе.

Дом, о котором говорил Мефодий Николаевич, был недалеко. И хотя рядом возвышались точно такие же дома, Лида так и не решалась спросить, почему Суровцев выбрал именно этот.

Летний вечер выдался жарким. Багровый закат плавился в окнах. Ветер тревожно шелестел травами на клумбах, и шорох этот заставлял Лиду невольно вздрагивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.